

В. А. Мазиллов

Пути развития психологии: методологические работы профессора М. С. Роговина

В статье дается анализ методологических взглядов на психологию и ее развитие известного отечественного ученого М. С. Роговина (1921–1993). Отстаивается позиция, согласно которой наиболее значимым стоит считать вклад М. С. Роговина в методологию психологической науки, поскольку по своему душевному складу он был философом психологии. Приводится биографическая справка, отражающая основные этапы жизненного пути автора диссертации. В статье анализируются методологические положения, сформулированные в докторской диссертации. Делается вывод, что автором диссертации проведен глубокий анализ развития мировой психологии, обнаружены магистральные тенденции ее развития. Само развитие психологии понимается автором как превращение «в действительно научную дисциплину» того пестрого конгломерата отдельных фактов, наблюдений и умозрительных теорий, который представляла традиционная психология. Предприняты шаги для обоснования содержания общей психологии, а также в плане содействия ее дальнейшему развитию. Новизну данной публикации определяет то, что впервые предметом историко-методологического анализа становится текст докторской диссертации психолога. Учитывается социокультурная специфика аттестации научных кадров высшей квалификации, существовавшая в СССР в 1960-е гг., описаны «маскировочные» действия диссертанта, позволяющие обойти бдительность цензуры. Делается вывод, что автор ставит перед собой и своей диссертацией грандиозные задачи: проанализировать путь развития мировой психологии и советской психологии в XX столетии и на основе этого сопоставительного анализа наметить ключевые моменты, способствующие эволюции отечественной психологии в направлении интеграции с мировой психологической наукой. Утверждается, что потрясающая эрудиция, глубокое понимание логики развития науки и общества, масштабность видения проблем психологии позволили автору в значительной степени решить поставленные грандиозные задачи.

Особую ценность работы М. С. Роговина составляют предостережения от совершения возможных ошибок. Автор анализирует мифы, существующие в истории психологии, и демонстрирует их негативное влияние на понимание закономерностей исторического процесса в психологии. Приводится характеристика проблем психологии, в обсуждении которых работа М. С. Роговина «опередила» время: современная отечественная психология спустя полвека только приближается к их решению (взаимоотношение различных содержаний, включаемых в понятие «психология», метод интерпретации, специфические особенности понятий психологии, место психологии в системе наук, природа наблюдения, теория психологического и, в частности, патопсихологического эксперимента, отношение репрезентативности, природа понимания, система взглядов П. Жане, экзистенциализм в психологии). Делается вывод о выдающемся значении для методологии психологии исследования М. С. Роговина 1968 г.

Ключевые слова: психология, М. С. Роговин, наука, философская психология, научная психология, эксперимент, методология, диссертация, сведение, объяснение, понимание.

V. A. Mazilov

Ways of Psychology Development: Professor M. S. Rogovin's Methodological Works

In the article the analysis of methodological views on psychology and its development of famous Russian scientist M. S. Rogovin (1921–1993) is given. The position is defended according to which M. S. Rogovin's contribution to methodology of psychological science should be considered as the most significant thing, as due to his temper he was a philosopher of psychology. The curriculum vitae reflecting the main stages of the life of the author of the thesis is presented. In the article the methodological ideas formulated in the doctoral dissertation are analyzed. The conclusion is drawn that the author of the thesis carried out the deep analysis of development of world psychology, the main tendencies of psychology development are found. Development of psychology is understood by the author as transformation «in really scientific discipline» of that motley conglomerate of the separate facts, supervision and speculative theories which traditional psychology was. Steps were made to justify the content of general psychology, and also towards its further development. Novelty of this publication is that for the first time the text of the doctoral dissertation of the psychologist becomes a subject of the historical and methodological analysis. The sociocultural specificity of certification of scientists of the top skills existing in the USSR in the 1960-s is taken into consideration, «camouflage» actions of the author of the dissertation are described allowing to bypass vigilance of censorship. The conclusion is drawn that the author set great objectives for him and the thesis: to analyse a way of development of world psychology and Soviet psychology in the XX century and on the basis of this comparative analysis to plan the key moments promoting evolution of Russian psychology in the direction of integration with the world psychological science. It is claimed that tremendous erudition, deep understanding of logic of science and society development, scale of vision of psychology problems allowed the author to solve the set of grandiose tasks substantially. The special value of M. S. Rogovin's work is made by cautions not to make possible mistakes. The author analyzes the myths existing in psychology history and shows their negative influence on understanding regularities of the historical process in psychology. The characteristic of psychology problems is given, M. S. Rogovin's work «outstripped» time in its discussion: the modern domestic psychology since half a century only approaches their solution (relationship of various contents included in the concept

«psychology», an interpretation method, specific features of psychology concepts, the place of psychology in the system of sciences, supervision nature, the theory of the psychological and, in particular, a pathopsychological experiment, representativeness ratio, understanding nature, a system of P. Jean's ideas, existentialism in psychology). The conclusion about outstanding meaning for methodology of M. S. Rogovin's research psychology in 1968 is drawn.

Keywords: psychology, M. S. Rogovin, science, philosophical psychology, scientific psychology, experiment, methodology, thesis, data, explanation, understanding.

М. С. Роговин (1921–1993) – известный отечественный психолог, доктор психологических наук, профессор. Уже приходилось писать о М. С. Роговине как психологе, давать характеристику его исследований [2–7]. В авторитетном «Психологическом лексиконе» помещена содержательная статья В. Я. Гиндикина о М. С. Роговине, в которой он характеризуется как «российский психолог, специалист в области военной и когнитивной психологии, истории и философии психологии, патопсихологии» [1, с. 395]. Автор очерка справедливо указывает, что круг научных интересов М. С. Роговина был достаточно широк. «Одним из первых в России он описал истоки и принципы когнитивной психологии, дал обстоятельный анализ этого, тогда еще нового, направления. Углубленно исследовал проблемы патопсихологии, изучал принципы диагностического процесса в работе психиатра. Внес существенный вклад в теорию и практику наиболее сложных аспектов дифференциального диагноза в психиатрии. Подчеркивал важность и особую роль клинического анализа результатов патопсихологического эксперимента» [1, с. 395]. Ни в коей степени не умаляя его заслуг перед патопсихологией, рискнем высказать мысль, согласно которой наиболее значимым стоит считать его вклад в методологию психологической науки, поскольку по своему душевному складу он был философом психологии. Как мы уже отмечали в 2006 г., М. С. Роговин был в первую очередь методологом психологии. Он был из породы тех, к кому могут быть отнесены слова Л. С. Выготского, сказанные некогда о Коффке: «Он был прежде всего и до конца последовательным методологом». Эти слова, конечно же, надо отнести и к самому Выготскому – он прежде всего стремился дойти «до самой сути», «до сердцевины», как было замечательно сформулировано великим поэтом. Такой же подход был характерен и для М. С. Роговина [6].

Михаил Семенович Роговин родился 27 октября 1921 г. в г. Москве в семье известного переводчика и философа С. М. Роговина. Поступил на механико-математический факультет Московского государственного университета. Был призван в армию, прошел Великую Отечествен-

ную войну, участвовал в войне с Японией. Был командиром танка, затем, после ранения, – инструктором, военным переводчиком. После войны М. С. Роговин окончил Военный институт иностранных языков, поступил в аспирантуру по психологии в МГИИЯ к В. А. Артемову. В 1956 г. защитил кандидатскую диссертацию «Проблема понимания». В конце пятидесятых – начале шестидесятых работал в фундаментальной библиотеке по общественным наукам АН СССР. В шестидесятых годах М. С. Роговин работал на кафедре психологии МГПИ им. В. И. Ленина. В семидесятых и восьмидесятых был профессором на факультете психологии Ярославского государственного университета. В последние годы жизни был заведующим кафедрой психологии в Московском государственном лингвистическом университете... За это время им были написаны и опубликованы книги и учебные пособия: «Введение в психологию» (1969), «Философские проблемы теории памяти» (1966), «Проблемы теории памяти» (1977), «Психологическое исследование» (1979), «Структурно-уровневые теории в психологии» (1977), «Теоретические основы психологического и патопсихологического исследования» (1988, в соавторстве), «Исследование отрицания в практической и познавательной деятельности» (1985, в соавторстве), «Основы исследования в акциональных науках» (1993, в соавторстве) и др. Всего им было опубликовано около трехсот пятидесяти работ. «Основы лингвистической психологии» закончить не успел. В сентябре 1993 г. Михаила Семеновича Роговина не стало...

Возникает, однако, вполне резонный вопрос: если о вкладе М. С. Роговина в разработку методологических вопросов написано уже несколько статей, зачем писать еще одну? Тем более, что корпус его сочинений остался без изменений, а основные работы были рассмотрены в упомянутых статьях.

Тем не менее, данная публикация имеет *raison d'être*: она посвящена анализу методологических идей М. С. Роговина, высказанных им в его диссертациях: в диссертации 1956 г. на соискание ученой степени кандидата педагогических наук (по психологии) «Проблема понимания» и 1968 г. на соискание ученой степени доктора педагоги-

ческих наук (по психологии) «Элементы общей и патологической психологии в построении психологической теории». (В настоящей статье речь будет идти о докторской диссертации 1968 г. Методологическим идеям, высказанным в кандидатской диссертации 1956 г., будет посвящена отдельная статья, так как объем настоящей статьи не позволяет вместить анализ текстов обеих диссертаций. Нельзя не обратить внимания на то, что диссертация 1956 г. имеет подготовительный характер – не оставляет чувство, что автор уже тогда хорошо понимал, что он будет делать дальше. Определенное единство замысла налично.)

Предвижу возражение: какая может быть методология в кандидатской диссертации? Диссертация – это вообще квалификационная работа... Ответ простой: достаточно прочесть несколько страниц из авторефератов роговинских диссертаций, чтобы понять, что это работы не вполне обыкновенные – потрясающего масштаба и очень высокого уровня. Кроме того, не секрет, что за прошедшие десятилетия произошла девальвация научного уровня диссертаций. Если оценить *величие замысла* М. С. Роговина при написании его «квалификационных работ», то смело можно назвать его одним из последних титанов психологической науки. Не являясь сторонником «высокого» стиля, тем более не желая быть высокопарным, предлагаю продолжить обсуждение вопроса, стоит ли называть человека титаном, если он ставит перед собой титанические цели, после обсуждения задач докторской диссертации М. С. Роговина. О его потрясающей эрудиции, широчайшем кругозоре, блестящем владении иностранными языками (английский, немецкий, французский, испанский), глубоком понимании истории философии и психологии мы уже писали.

Обратимся в настоящей статье к докторской диссертации, написанной М. С. Роговиным в 1968 г. и защищенной 16 мая 1968 г. Пусть никого не смущает, что защита эта состоялась в научно-исследовательском институте дефектологии АПН СССР. Диссертация была защищена по специальной психологии, автору присвоена ученая степень доктора педагогических наук (по психологии). Для тех, кто в силу возраста не помнит советских реалий научной жизни и особенностей аттестации научных кадров по психологии, необходимо сделать некоторые дополнительные пояснения. Такая работа, какая была задумана и осуществлена М. С. Роговиным, просто не имела права на суще-

ствование. Защитить ее без специальной маскировки было абсолютно нереально. Дерзость замысла «зашкаливала», ибо один человек (притом далеко не главный в иерархии) всерьез обсуждал и претендовал (!) на определение и разработку структуры целой науки – общей психологии. Это чистая методология психологии. Опять же, напомним, методологии конкретной науки «оставалась» разработка (правильнее: уточнение, детализация) методологических принципов, не более того: более глобальные вопросы решались философией диалектического и исторического материализма (выступавшей в качестве философского уровня методологии). В советской психологии был определен набор методологических принципов, которые характеризовали подход отечественных психологов к предмету исследования. Более существенные и общие вопросы решались на философском уровне методологии. Поэтому без определенной «маскировки» такая работа «пройти» просто не могла бы. Вообще, все советские психологи, включая корифеев – С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, вынуждены были проявлять известное «лукавство», обставлять авторское сочинение цитатами из классиков марксизма, выполняющими роль «охранной грамоты»... Поэтому никого не должно удивлять, что в диссертации М. С. Роговина мы можем найти немало проявлений научного лукавства, призванного обеспечить «проходимость» работы. Ниже остановимся на некоторых примерах «маскировочных действий» диссертанта.

Прежде всего автор создает впечатление, что к глобальным вопросам психологии диссертация непосредственного отношения не имеет. Отвлекающим маневром является следующее: глобальной методологической проблеме автор сознательно пытается придать «частное» звучание, максимально «снизить» степень глобальности. Отметим, что в шестидесятые годы XX столетия в нашей стране времена были уже вполне «вегетарианские». Но на право заниматься вопросами методологическими претендовать могли очень немногие проверенные люди, во всяком случае – точно не соискатели докторской степени.

Качественный «туман» нагоняет вот эта фраза: «Настоящая работа представляет попытку разработать некоторые вопросы психологической теории, которые могут лечь в основу подготовки специалистов *лишь в одной конкретной области (курсив мой. – В. М.)* – и при помощи главным образом *одного метода (курсив мой. – В. М.)* – критического анализа содержания психологиче-

ских и патопсихологических понятий в их исторической обусловленности» [9, с. 2]. Иными словами, ничего серьезного – так «мелкотемье», ничего глобального. Те, кто «на страже», должны быть спокойны – «основам» в данной работе ничего не угрожает. Впечатление, конечно, обманчивое, но диссертант вовсю старался его создать. И это ему удалось.

Нельзя пройти мимо характеристики процессов, происходящих в психологии, как их понимает диссертант. «Совершенно несомненно, что в наши дни психология переживает период бурного развития, как экстенсивного, так и интенсивного. Налицо все большее преобладание тонкого лабораторного эксперимента, использование математически выверенных методов обработки этих экспериментов. Такая тенденция, несомненно, прогрессивна в своей основе, ибо нет и не может быть иного пути превращения в действительно научную дисциплину того пестрого конгломерата отдельных фактов, наблюдений и умозрительных теорий, который представляла традиционная психология» [9, с. 2].

Прервем цитирование (хотя остановиться трудно, поскольку любой непредвзятый специалист понимает – оценка, данная психологии, хоть и суровая, но справедливая). Путь психологии обозначен: от конгломерата к действительной науке. И он еще только начался. «Корректировать своими действиями и идеями путь психологии» – читатель, назовите более глобальную методологическую задачу психологии!?

«Вместе с полученными фактическими данными, неотделимо от них вливается поток новых терминов и понятий. Каждому, кто хотя бы в самых общих чертах знаком с историей и философией науки, должно быть ясно, что это столь отрадное положение таит немало опасностей, игнорирование которых рано или поздно, но неизбежно приведет к грубым ошибкам и разочарованию» [9, с. 2].

Автор диссертации предупреждает: «Основная опасность заключается в том, что разрываются внутренние связи между отдельными областями психологии, утрачивается единство предмета и его понимания» [9, с. 2]. Дорогой читатель, не напоминает это симптомы кризиса психологии? Только тогда психология была еще «на подъеме», такие тенденции видны были лишь очень наблюдательным специалистам.

«Современное состояние психологии характеризуется исключительным многообразием областей применения и исследования, методов и по-

ятий, условий и основных тенденций развития» [9, с. 2].

С удивительной пронизательностью М. С. Роговин предупреждает еще об одном виде возможных ошибок (столь характерных для сегодняшней психологической науки): «Психолог перестает делать различие между объективной познавательной реальностью и теми научными понятиями, которыми он оперирует и которые являются лишь ее частичным и односторонним отражением» [9, с. 2]. Полагаю, каждому, кому по долгу службы приходится работать в диссертационных советах, знакомо фантазмагорическое чувство, возникающее, когда бедный диссертант докладывает свою работу и при этом серьезно считает психической реальностью наименования шкал опросника, который он имел несчастье использовать. Если у него есть базовое образование, еще существует шанс «достучаться»... Увы, в наше время это поветрие приобрело ужасающие масштабы, в уважаемых трудах многих докторов невооруженным глазом видна эта чудовищная ошибка. Хотя предупреждали об этом еще в далеком 1968 г.

«Каким бы диссонансом это не звучало в настоящее время, когда результаты экспериментального метода представляются чуть ли не единственным критерием научности, этот метод сам по себе дает мало поводов для размышления над содержанием научных понятий и над их исторической природой» [9, с. 2].

Диссонанс огромный. Только что (1966 г.) в Москве прошел XVIII Международный психологический конгресс, на котором было зафиксировано, что психология, наконец, превратилась в экспериментальную науку. Всеобщая эйфория, торжество научности и экспериментального метода. Хосе Дельгадо рассказывает о вживлении электродов в мозг животного, что позволяет модифицировать социальное поведение последнего. Кажется, еще немного и падут последние тайны. Еще печатаются материалы Конгресса. А соискатель докторской степени вслед за Вундтом (1913 г.) утверждает, что метод эксперимента мало дает для решения задачи конституирования психологической науки. И, следовательно, при конструировании науки не экспериментом надо руководствоваться. Очень смело, очень своевременно, очень мудро... И в значительной степени не воспринято. Иногда возникает чувство, что маскировка сработала, диссертация защищена, а книги... пусть студенты читают. Им надо. В сущности, на это и вся надежда: студенты новых поко-

лений прочтут, поймут, проникнутся. Но вернемся к собственно маскировке...

Маскировка – дело трудное. Диссертант вспоминает, что «ограничил» свою роль (и иногда сомневается, не слишком ли сильно, ибо хорошо понимает реальную размерность задач): «Ограничивая, таким образом, задачи работы определенной областью и определенным методом, мы, однако, считаем, что их собственное значение выходит далеко за указанные рамки» [9, с. 2]. Мы, конечно, тоже так считаем...

Впрочем, читатель уже понимает, что неблагодарная роль толмача с эзопова языка на язык советского официоза и обратно автору статьи немного наскучила (подозреваю, что наскучила и автору диссертации, который, посчитав игру в маскировку вполне достаточной, быстро переходит на нормальный язык). Поэтому обращаюсь снова к тексту Роговина, в котором все говорится ясно и четко: «В плане поставленных перед работой задач единство содержания науки психологии и учебного предмета психологии может быть достигнуто на основе критического анализа содержания психологических понятий в их исторической обусловленности и выделения самых общих психологических закономерностей (*курсив мой. – В. М.*), и что наиболее продуктивным путем установления этих закономерностей является сопоставление данных общей и патологической психологии» [9, с. 3].

Вот она – настоящая задача. Под стать задаче и вопросы: «Поставленная в работе задача потребовала также разработки некоторых вопросов, до настоящего времени не нашедших еще отражения в нашей психологической литературе. Сюда относится взаимоотношение различных содержаний, включаемых в понятия “психология”, метод интерпретации, специфические особенности понятий психологии, место психологии в системе наук, природа наблюдения, теория психологического и, в частности, патопсихологического эксперимента, отношение репрезентативности, природа понимания, система взглядов П. Жане, экзистенциализм в психологии» [9, с. 4].

Собственно, на этом, указав выходные данные диссертации, можно было бы и закончить, ибо цель автора статьи достигнута. Кто-то теперь скажет, что задачи не титанического масштаба и не титанического труда требуют? И – даром, что социализм на дворе, – ни Маркса с Энгельсом и Лениным (хотя эти философы, будем справедливы, к месту упоминаются), ни навязшего в зубах

отражения, ни деятельности (принципа и подхода), ни системного подхода... Представляется достаточно актуальной задачей концептуализация того методологического подхода, который был реализован автором в диссертации, но по названным выше причинам не мог быть сформулирован. В рамках настоящей статьи этому, конечно, не место. Но, мне кажется, настала пора эксплицировать эпистемологию М. С. Роговина – замечательного психолога и человека. В этом контексте не настаиваю на эпитете «титанический». Вероятно, стоит подготовить статью о несформулированной эпистемологии М. С. Роговина.

Такая вот скромная и непритязательная диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук (по психологии). К тому же – по специальной психологии. Если кто-то до сих пор сомневается в правомерности названия этой статьи в плане использования эпитета, полагая его явным преувеличением, – что же, тогда признаю, «был не прав».

И все же остается смутное ощущение, что мне не удалось полностью убедить потенциального читателя, что М. С. Роговин взял на себя задачу титанического масштаба. Поэтому я постараюсь показать реальный масштаб еще и таким образом. Как известно, во второй половине XIX столетия Вильгельм Вундт осуществил амбициозную программу, согласно которой психология становилась самостоятельной наукой. Эта программа составляла проект психологии, который отвечал требованиям Канта к психологии. Таким образом, был реализован проект психологии как естественной науки. (Кому-то может показаться, что Вундт как сторонник субъективного метода вряд ли является сторонником естественно-научного подхода. Тем не менее, анализ свидетельствует именно о том, что реализованная Вундтом программа создания физиологической психологии полностью отвечала кантовским представлениям о психологии как естественной науке.)

Вундт хорошо сознавал, что это грандиозное и практически неподъемное дело – конституировать в одиночку новую науку. И постарался существенно облегчить себе задачу тем, что под психологией как самостоятельной наукой имел в виду исключительно физиологическую психологию. Культурно-историческая психология по-прежнему оставалась традиционной, использующей описательные, сравнительные, исторические методы. Но речь не о ней, а о научной психологии. Полезно вспомнить, что к физиологической психологии

Вундт относил ощущения и восприятие и произвольные движения. Добавим, что Вундт дополнительно включает в состав физиологической психологии исследования в области времени реакции, психофизики. Использование фехнеровской психофизики заставляет Вундта ее переосмыслить. Г. Фехнер, которого часто называют создателем экспериментальной психологии, на самом деле психологом не был, поэтому создание психологии как самостоятельной дисциплины его не занимало. Г. Фехнер использовал психофизические измерения как средство обнаружения уравнения, верно отражающего отношения между душой и телом. Психофизика, обоснованная Фехнером как средство решения глобальной философской проблемы, была переосмыслена Вундтом (фехнеровское разделение на внутреннюю и внешнюю психофизику было отброшено, сама психофизика стала интерпретироваться в духе психофизиологического параллелизма, тогда как Фехнер придерживался концепции тождества). Последнее обстоятельство служит убедительным доказательством того, что психофизика была «аннексирована», включена Вундтом в состав физиологической психологии, а психофизические методы применены к исследованию другого научного предмета.

Таким образом, самонаблюдению при участии эксперимента подвергаются лишь простейшие явления. Все сложные функции остались за пределами научной психологии. Да и эксперимент использовался в ограниченных пределах, хотя Вундт и писал, что если принимать во внимание метод, то физиологическую психологию можно назвать экспериментальной. Впрочем, речь не о том. В маленькую статью нельзя втиснуть очерк развития мировой психологии: не поместится, да и, правду сказать, не время и не место.

Тем не менее, декларативно научная психология Вильгельма Вундта начала свое существование в качестве самостоятельной науки. При множестве нерешенных вопросов и конструктивных недоделок. Поэтому перед своей диссертацией М. С. Роговин ставит задачу максимально способствовать переходу от «пестрого конгломерата отдельных фактов, наблюдений и умозрительных теорий, который представляла традиционная психология» (мы помним эту характеристику психологии из начала диссертации) к состоянию современной науки. И, как мы помним, в задачу диссертации входит описать и охарактеризовать процессы, при этом происходящие. И, право, таких подвижников в науке не грех и помнить...

Действительно, мы можем интерпретировать работу Роговина так: это попытка устранить принципиальные недоделки проекта Вундта по становлению психологии как самостоятельной науки. Не знаю, удалось ли мне убедить скептически настроенного читателя... Во всяком случае, мне начинает казаться, что задача даже крупнее титанической... Потому что, помимо общего становления мировой психологии как самостоятельной науки, стоит еще не сформулированная, но явно подразумеваемая задача «выправления» пути отечественной психологической науки. М. С. Роговин «протер руку в направлении реформирования психологии». А. А. Тахо-Годи указывает, что *titano* – простираю, титаны – протершие руки [11, с. 56].

Отсюда постоянно возникающие коллизии – в тексте диссертации появляются проблемы, которые явно являются новыми для советской науки. Вернуть отечественную науку в русло мировой – это ли не задача для титана? Впрочем, проявим серьезность и попытаемся оставаться реалистами: логически «вписывать» неординарного мыслителя в узкий и жесткий контекст эпохи не слишком интересное занятие – вполне достаточно, что мыслитель в нем живет и работает исторически...

Нам осталось только проследить некоторые сюжеты, получившие развитие в диссертации, и отметить некоторые существенные, на наш взгляд, моменты.

После защиты – в соответствии с «неписаным правилом» эпохи в отношении успешно защищенных докторских диссертаций – полагалось опубликовать «докторскую» монографию. Ее пришлось маскировать под учебное пособие для студентов. «Проходила» эта книга с огромным трудом и благодаря смелости людей, которых здесь хочется назвать: работавшего в философской редакции издательства «Высшая школа» Юрия Мефодьевича Бородея, где книга все же вышла, и известного философа Александра Георгиевича Спиркина, который интересовался психологией и разрабатывал в своих трудах важные философские вопросы психологии. В другом месте мы подробно расскажем об этих ученых, которые не только своими неординарными книгами и идеями, но и смелыми поступками, рискуя своей карьерой, способствовали движению науки вперед, публикуя новаторские психологические тексты. Речь идет о книге «Введение в психологию», изданной в 1969 г. в издательстве «Высшая школа». В ней почти ничего не говорится про

деятельность, про ее единство с сознанием... А описываются различные подходы, различные теории, за которыми можно увидеть «единственный настоящий объект психологии» [10]. Я помню то наивное, студенческое впечатление более чем сорокалетней давности – так, значит, все же психология не может безнаказанно быть уложена в прокрустово ложе «одномерных» подходов, которые были так характерны для советской психологии... Мне кажется, что книга «Введение в психологию» до сих пор не оценена по заслугам. Так бывает, когда книга опережает время... Geistzeit иногда резвится... Я помню, Михаил Семенович рассказывал о трудной судьбе этой книги. Один из рецензентов – очень известный психолог, классик и академик – вместо рецензии заявил: «Я не могу дать рецензию. Я читал, но ничего не понял». Для пособия, предназначенного студентам-психологам, согласимся, рекомендация не лучшая. Тогда мне это казалось лишним подтверждением имманентного коварства академиков. А теперь я думаю, что, может быть, рецензент был по-своему искренен – новые идеи с трудом прокладывают дорогу. Замечательно, что книга все же была опубликована. «Введение в психологию» до сих пор остается одним из немногих методологических исследований, раскрывающих всю сложность, многоплановость и неоднозначность психологической науки. И, как это ни удивительно, «Введение в психологию» и сегодня не утратило новизны и актуальности, по-прежнему намечает перспективы разработки научной психологии, во всяком случае, для вдумчивого и заинтересованного читателя.

Поскольку каждый, кто заинтересуется названными сюжетами, может найти и диссертацию, и «отраженное» ее содержание в книге «Введение в психологию», пересказывать содержание диссертации нет никакой необходимости. Поэтому мы ограничимся только указанием на некоторые моменты и сделаем некоторые комментарии. Остается только изумляться, что прошедшие десятилетия во многих случаях ситуацию ничуть не изменили, положение и сейчас такое же, как было почти полвека тому назад.

Известно, что в отечественной психологии с успехом использовался категориальный анализ (М. Г. Ярошевский, А. В. Петровский, В. А. Петровский, К. К. Платонов и др.). Обратим внимание, что первым в советской психологии к анализу соотношения и динамики понятий обратился в своей диссертации М. С. Роговин:

«...основное содержание диссертации состоит в прослеживании внутренней динамики психологических и патопсихологических понятий, которая анализируется как бы по трем срезам, проведенным через психологию на разных уровнях. На первом – конкретные факты истории психологии как науки являются показателем движения психологических понятий. Второй уровень – внутренние взаимоотношения психологических понятий, их самодвижение, связанное с функционированием определенных психологических механизмов. И третий уровень – динамика понятий внутри теоретических систем психологии» [9, с. 5].

Итак, обратим внимание на несколько моментов, получивших разработку в диссертации М. С. Роговина.

Виды психологии. Абсолютно новаторский и конструктивный подход к выделению видов психологии в зависимости от источников психологического знания предпринимает М. С. Роговин. Применительно к психологии используется известный принцип единства исторического и логического. М. С. Роговин вводит понятия «донаучной психологии», «философской» и «научной психологии»: «Понятие психология включает в себя значения “психологии донаучной” (термин этот взят по аналогии с принятым термином “донаучных понятий”), психологии философской и психологии, строящейся на лабораторном и клиническом эксперименте» [9, с. 6]. «Первый этап развития – донаучная психология» – еще не вычленяется из связей и отношений самой действительной жизни. Развитие первых понятий о психическом тесно связано с развитием понятий о действующей причине. По сравнению с донаучной психологией, которая по уровню ей предшествует, для философской психологии характерным является поиск объяснительного принципа психического, стремление установить общие законы, из которых свойства психического могли быть выведены логическим путем. В то же время философская психология на ранних этапах своего развития выводит трактовку психического из ограниченного круга непосредственно наблюдаемых явлений. С течением времени роль философской психологии постоянно меняется, и теперь она сводится главным образом к обобщению данных, представляемых ей психологией экспериментальной» [9, с. 6].

«Переломным периодом в развитии психологии явилась вторая половина XIX в., когда психология вычленяется из философии и постепенно

становится экспериментальной наукой. Этот период был, конечно, обусловлен развитием самой психологии, в которой уже назрела необходимость в более точных методах, чем эмпирическое наблюдение и умозрительное обобщение этого наблюдения. И то и другое становились явно недостаточными... Но решающую роль сыграли здесь те фундаментальные изменения, которые произошли в социальной значимости психологии, быстро превратившейся из академической дисциплины в важную область промышленной и административной деятельности. С другой стороны, на решительное изменение характера психологии оказали большое влияние те сдвиги, которые отмечаются несколько ранее и в это время в смежных науках и в первую очередь в биологии» [9, с. 6].

Обратим внимание на следующий фрагмент рассуждений М. С. Роговина: «Самое “становление психологии как самостоятельной науки” следует понимать с очень значительными ограничениями. Психология, несомненно, изменила свой основной метод (отнюдь не все ранее использовавшиеся методы). Но психология не отделилась от философии и не могла отделиться от философии ни по способу мышления ученых, ни по характеру интерпретации ими экспериментальных данных. В полной мере остается философское по своему существу различие в материалистическом и идеалистическом подходе к психическому, причем в то время ведущую роль играл подход идеалистический. Психология декларировалась как позитивная, опытная наука, использующая естественно-научные методы; отсюда непосредственно следовало, что ее предметом должны были стать закономерные смены непосредственно наблюдаемых душевных явлений, их классификация и взаимоотношения. Однако ложность исходных философских положений определила основные черты этой, якобы, отделившейся от философии, как тогда называли, «новой психологии» [9, с. 6–7]. В нашей литературе обычно так и полагают, что она, психология, 1) отделилась от философии; 2) стала научной. М. С. Роговин продолжает: «Во-первых, она носила созерцательный характер и введение эксперимента было на первых этапах всего лишь средством выявления состояний сознания. Во-вторых, требование объективности и научности наблюдения сразу же оказывалось абсолютно нереальным, так как в силе оставалось положение о том, что душевные явления постижимы только во «внутреннем опыте». В-третьих, отсюда непосредственно следо-

вало утверждение о принципиально ином характере познания психического: в отличие от объективной реальности, психическое, якобы, познается непосредственно» [9, с. 7]. Как отмечает Роговин, движение по этому пути оказалось недолгим: психологи довольно быстро поняли, что непосредственный характер познания в психологии не более чем миф. Поэтому психологии предстояло постепенно освобождаться от груза, завещанного позитивизмом и другими системами идеалистической философии. При этом хотелось бы обратить внимание на существенное различие между членением психологии, предложенным М. С. Роговиным, и многочисленными трехчленными делениями, которые были очень популярны в прошлом. В качестве примера можно взять известный закон «трех стадий» О. Конта, в соответствии с которым в развитии любой науки могут быть выделены теологическая, метафизическая и научная стадии. Согласно Конту, имеет место смена одной стадии другой: переход к следующей «отменяет» предыдущую. По мнению М. С. Роговина, в психологии дело обстоит иначе: самой характерной особенностью истории психологии является то, что все эти три значения термина не сменяют друг друга как последовательные этапы, а продолжают существовать наряду друг с другом, оказывая друг на друга влияние в большей или меньшей степени. Важно подчеркнуть, что указанные течения в психологии и виды психологического знания сосуществуют в культуре и, следовательно, могут оказывать взаимное влияние.

Более того, возникающие диспропорции, противоречия между указанными составляющими представляют собой мощный источник развития психологического знания в целом. Философия психологии, к сожалению, в отечественной психологии – слабо разработанный отдел. И трехчленное деление психологии на виды в зависимости от источников знания является конструктивным и перспективно для решения большого числа задач, в том числе и историко-психологических.

Трудно переоценить важность решения таких вопросов, как выявление тенденций развития, описания и характеристики процессов, в которых эти тенденции реализуются.

В диссертации дается подробный анализ процессов в психологии, показано, что, «несмотря на все большую дифференциацию отдельных областей психологического исследования, параллельно с нею развивается и обратный процесс – про-

цесс установления связей между отдельными областями психологии» [9, с. 7].

Не станем задерживаться на этой части исследования, а также на крайне интересной области – исследовании «взаимоотношений между общей психологией и теми ее областями, которые имеют относительно частный характер» [9, с. 7].

Обратим лишь внимание на ту трактовку, которую автор дает патопсихологии: «Патопсихология есть часть общей психологии, поскольку в ней на специфическом материале проявляются общие психологические закономерности и поскольку общая психология находит в данных патопсихологии наиболее четкие и простые формы этих закономерностей. В то же время патопсихология неотделима от медицинской психологии, то есть выступает как один из видов прикладной психологии» [9, с. 7].

Многие проблемы, обсуждаемые в диссертации, приводят к решению ряда вопросов, которые накапливались в науке десятилетиями. Так, раскрытие специфики метода интерпретации позволяет развеять мифы, в частности, об интроспективном характере философской психологии.

Опережающим время является исследование характера понятий, используемых в психологии, взаимодействия между ними на разных этапах развития науки.

Впервые в диссертации обсуждается и решается проблема репрезентативности...

И, конечно, принципиально новой была постановка проблемы объяснения.

Проблема понимания и объяснения. Абсолютно новым для отечественной психологии (и, добавим, совершенно неожиданным) было то, что М. С. Роговин ставит проблему объяснения. Неожиданным было само появление этой проблемы. Проблема объяснения существовала в двадцатые годы, Л. С. Выготский в «Историческом смысле» рассуждал о роли понятия и объяснительного принципа. Затем проблема объяснения в психологии ушла в тень, так как объясняло все учение, которое было одновременно и всеильно и верно. Поэтому диалектический и исторический материализм объяснял все, никакие психологические соображения не были нужны.

Подступом к проблеме объяснения явилось исследование М. С. Роговиным психологических механизмов понимания в его кандидатской диссертации [8]. Автор настоящей статьи планирует посвятить анализу этого интереснейшего (во

многом также методологического) сочинения М. С. Роговина специальную работу.

М. С. Роговин указывает, что наиболее подробная разработка проблемы объяснения в психологии содержится в работах Пиаже. Объяснение характеризуется двумя основными признаками: «возможностью дедуктивного выведения и соответствием этой логической связи определенной реальной связи, под которой имеется в виду отношение феноменов сознания и нервно-физиологических структур. Наряду с этим, по Пиаже, каждое объяснение есть “сведéние”, то есть отнесение к одному и тому же причинному принципу, остающемуся неизменным в ходе преобразования. С нашей точки зрения, согласно которой следует различать детерминированное общественными надындивидуальными факторами собственно объяснение, и понимание, как связанный с ним психический процесс, в концепции Пиаже допускается явное смешение гносеологических и психологических критериев» [9, с. 19–20].

Роговин отмечает, что сведéние, или редукционизм, в ряде случаев означает прямую замену психических явлений физиологическими. Пиаже использует этот термин по крайней мере в двух смыслах, обозначая им переход и от «сложного к простому», и от «психологического к непсихологическому» [9, с. 20].

«Сведение обозначает совокупность следующих факторов: 1) включение данного явления в некоторую более общую систему; 2) эта система должна быть более простой в диалектическом смысле, то есть представлять предшествующую ступень развития и самого предмета и науки о нем. В субъективном плане сведение должно сопровождаться чувством перехода от неизвестного к известному» [9, с. 20].

«Поскольку психология начала формироваться как самостоятельная наука в то время, когда такие науки, как математика, физика и общая биология, уже достигли высокой степени развития, естественно, что психологи стремились (да и теперь стремятся) максимально широко использовать объяснительные схемы, выработанные в этих науках. В соответствии с принятым нами историческим принципом рассмотрения природы психологических понятий, естественное разделение типов объяснения в психологии есть дихотомия экзоморфного – эндоморфного объяснения и объяснения по типу структуры или по типу процесса. Оба эти типа объяснения оказываются неотделимыми от интерпретации психологии как

эволюционной и генетической науки, что дает начало продуктивным гипотезам и объяснительным схемам» [9, с. 20].

В истории психологии экзоморфное сведение выступает либо как биологическое, либо как социологическое сведение. В работе приводятся примеры анализа. «В качестве частного случая “экзоморфного сведения” в диссертации рассматривается “формальное сведение”. В плане “внешней истории” – это есть следствие проникновения в психологию и патопсихологию математических идей и методов, в плане “внутренней истории” – результат возрастающей отвлеченности психологических понятий» [9, с. 21]. «Экзоморфному сведению» противостоит «эндоморфное» – стремление остаться в кругу «чисто психологических» понятий. С наибольшей отчетливостью это стремление выявилось в течении «понимающей психологии» (шпрангеровский принцип – *psychologica-psychological*) и в концепции З. Фрейда [9, с. 21]. «В диссертации прослеживается развитие понятий психоанализа, которые постепенно переосмысливаются либо в социологические понятия неофрейдизма и «социальной психиатрии», либо там, где современный фрейдизм смыкается с генетической и экспериментальной психологией, – получают отчетливо биологическую интерпретацию» [9, с. 21]...

«Основные способы объяснения в психологии укладываются в дихотомическую схему “структурно-динамического сведения”. Поскольку они неотделимы от интерпретации психологии как в первую очередь эволюционной науки, то возникает вопрос о том, какой период истории психологии и какое направление психологической теории яснее всего представляют эту тенденцию. Мы полагаем, что самой показательной в этом отношении является история французской психологии конца 19-го – первой четверти 20-го в. и в ней учение П. Жане, представляющее важнейшее связывающее звено между этим периодом и современным ее состоянием, которое, с точки зрения воплощения идеи развития отчетливо расчлняется на три направления, возглавляемые выдающимися учениками Жане» [9, с. 21]...

Возвращение к проблеме объяснения в психологии произошло лишь в 2006 г., когда была опубликована статья А. В. Юревича [12], положившая начало дискуссии по проблеме объяснения в психологии. Почти на сорок лет опередили время изыскания М. С. Роговина.

Что касается П. Жане, и сегодня его основные работы пока не переведены на русский язык... Роговин опережает до сих пор.

Вывод, который делает М. С. Роговин в результате своего исследования, знаменателен: «Прослеживание исторически изменчивого содержания основных психологических и патопсихологических понятий позволяет в известной мере преодолеть традиционное представление о психологии как совокупности изолированных и застывших “сущностей”, функций и перейти к пониманию ее как сложной многоуровневой системы знаний, динамика которых определена целым рядом “внешних” и “внутренних” факторов (обусловленность логической структуры психологии ее историческим развитием как сменой донаучного, философского и научного этапов ее развития и соотношением их как характеристикой любого хронологически фиксируемого периода, в том числе и современного ее состояния; дифференциация и интеграция областей психологического исследования; взаимосвязь и взаимовлияния психологии и смежных наук, эволюция метода и связанная с этим дифференциация содержания понятий; интеграция понятий в объяснительные схемы). Если с точки зрения стоявших перед работой задач на первый план выступала одна из наиболее отчетливых тенденций развития современной психологии, а именно, отход от функционального принципа и углубление межфункциональных исследований, то выработка на этой основе более адекватной системы понятий не сводится к «отмене» функциональных понятий, а представляет скорее результат стремления установить системы более простых, экспериментально или клинически верифицируемых понятий, из которых функциональные можно было бы вывести с помощью логических умозаключений» [9, с. 25].

Заключая настоящую статью, хочется произнести слова глубокой и искренней благодарности нашим учителям. Студентам, осваивавшим психологию в 1970–80-е гг. в Ярославле, несказанно повезло: им довелось учиться у настоящих профессоров, мастеров своего дела, таких как В. С. Филатов, В. Д. Шадриков, Н. П. Ерастов, Ю. К. Корнилов, В. В. Новиков, Л. П. Урванцев... И среди них мудрец и энциклопедист, философ психологии – профессор Михаил Семенович Роговин. Когда мы учились, конечно же, даже не догадывались, что имеем счастье общаться с людьми такого масштаба. Наши уважаемые учителя были людьми очень скромными, никогда не

говорившими о своих заслугах... И иногда должно пройти много времени чтобы понять, что мы учились у последних титанов. Низкий поклон и благодарность нашим замечательным учителям.

Библиографический список

1. Гиндикин, В. Я. Роговин Михаил Семенович. История психологии в лицах. Персоналии / под ред. Л. А. Карпенко [Текст] / В. Я. Гиндикин // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / редактор-составитель Л. А. Карпенко ; под общ. редакцией А. В. Петровского. – М. : ПЕРСЭ, 2005. – С. 395–396.
2. Залевский, Г. В., Мазиллов, В. А., Урываев, В. А., Соловьев, А. В., Урванцев, Л. П. М. С. Роговин – опережая время // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2013. – № 5 (22). – URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 20.08.2015).
3. Мазиллов, В. А. М. С. Роговин и методологические проблемы психологии [Текст] / В. А. Мазиллов // Проблемы психологии и эргономики. – 2000. – № 3. – С. 36–39.
4. Мазиллов, В. А. Слово о Михаиле Семеновиче Роговине [Текст] / В. А. Мазиллов // Ярославский психологический вестник. Вып. 17. – М. – Ярославль : Изд-во Российское психологическое общество, 2006. – С. 146–151.
5. Мазиллов, В. А. М. С. Роговин – философ психологии [Текст] / В. А. Мазиллов // Сибирский психологический журнал. – 2006. – № 24. – С. 32–36.
6. Мазиллов, В. А. Михаил Семенович Роговин – методолог психологии [Текст] / В. А. Мазиллов // Методология и история психологии : научный журнал. Т. 1. – Вып. 2. – 2006. – С. 103–113.
7. Мазиллов, В. А. М. С. Роговин: философ психологии [Текст] / В. А. Мазиллов // Сибирский психологический журнал. – 2011. – № 40. – С. 80–88.
8. Роговин, М. С. Проблема понимания [Текст] : автореферат дис. ... кандидата педагогических наук (по психологии) / М. С. Роговин. – М., 1956. – 16 с.
9. Роговин, М. С. Элементы общей и патологической психологии в построении психологической теории [Текст] : автореферат диссертации ... д-ра педагогических наук / М. С. Роговин. – М., 1968. – 28 с.
10. Роговин М. С. Введение в психологию [Текст] / М. С. Роговин. – М., 1969.
11. Тахо-Годи А. А. Греческая мифология [Текст] / А. А. Тахо-Годи. – М. : Искусство, 1989.

12. Юревич А. В. Объяснение в психологии [Текст] / А. В. Юревич // Психологический журнал. – 2006. – № 1. – С. 97–106.

Bibliograficheskiy spisok

1. Gindikin, V. Ja. Rogovin Mihail Semenovich. Istorija psihologii v licah. Personalii / pod red. L. A. Karpenko [Tekst] / V. Ja. Gindikin // Psihologicheskiy leksikon. Jenciklopedicheskiy slovar' v shesti tomah / redaktor-sostavitel' L. A. Karpenko ; pod obshh. redakciej A. V. Petrovskogo. – M. : PERSJe, 2005. – S. 395–396.
2. Zalevskij, G. V., Mazilov, V. A., Uryvaev, V. A., Solov'ev, A. V., Urvancev, L. P. M. S. Rogovin – operzhaja vremena // Medicinskaja psihologija v Rossii: jelektron. nauch. zhurn. – 2013. – № 5 (22). – URL: <http://mprj.ru> (data obrashhenija: 20.08.2015).
3. Mazilov, V. A. M. S. Rogovin i metodologicheskie problemy psihologii [Tekst] / V. A. Mazilov // Problemy psihologii i jergonomiki. – 2000. – № 3. – S. 36–39.
4. Mazilov, V. A. Slovo o Mihaile Semenoviche Rogovine [Tekst] / V. A. Mazilov // Jaroslavskij psihologicheskiy vestnik. Vyp. 17. – M. – Jaroslavl' : Izd-vo Rossijskoe psihologicheskoe obshhestvo, 2006. – S. 146–151.
5. Mazilov, V. A. M. S. Rogovin – filosof psihologii [Tekst] / V. A. Mazilov // Sibirskij psihologicheskiy zhurnal. – 2006. – № 24. – S. 32–36.
6. Mazilov, V. A. Mihail Semenovich Rogovin – metodolog psihologii [Tekst] / V. A. Mazilov // Metodologija i istorija psihologii : nauchnyj zhurnal. T. 1. – Vyp. 2. – 2006. – S. 103–113.
7. Mazilov, V. A. M. S. Rogovin: filosof psihologii [Tekst] / V. A. Mazilov // Sibirskij psihologicheskiy zhurnal. – 2011. – № 40. – S. 80–88.
8. Rogovin, M. S. Problema ponimaniya [Tekst] : avtoreferat dis. ... kandidata pedagogicheskikh nauk (po psihologii) / M. S. Rogovin. – M., 1956. – 16 s.
9. Rogovin, M. S. Jelementy obshhej i patologicheskoj psihologii v postroenii psihologicheskoj teorii [Tekst] : avtoreferat dissertacii ... d-ra pedagogicheskikh nauk / M. S. Rogovin. – M., 1968. – 28 s.
10. Rogovin M. S. Vvedenie v psihologiju [Tekst] / M. S. Rogovin. – M., 1969.
11. Taho-Godi A. A. Grecheskaja mifologija [Tekst] / A. A. Taho-Godi. – M. : Iskusstvo, 1989.
12. Jurevich A. V. Ob#jasnenie v psihologii [Tekst] / A. V. Jurevich // Psihologicheskiy zhurnal. – 2006. – № 1. – S. 97–106.